Александр Агамальянц

*Замёрзшие
грёзы*

Александр Агамальянц

Замёрзшие грёзы

«Издательские решения»

2015

Агамальянц А.

Замёрзшие грёзы / А. Агамальянц — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-457-82246-7

Псевдопоэзия 2008—2015 гг. Некроромантизм как экзистенциальное переосмысление метафизической эстетики Первой мировой войны. Отголоски экзистенциальной тоски катакомбных христиан по бунту Люцифера, пронизывающей всю героику Европы. Angst и пустота. To my last and always...

ISBN 978-5-457-82246-7

© Агамальянц А., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Его – Амог – Деi	6
Война, ненависть, белая раса	7
Гордый марш сквозь огонь горизонта	8
Моя душа мертва. Свершилось!	9
Слепая... кристально чистая... ненависть...	10
Прощание – утихни, кровотоющее сердце	11
Победоносная гибель	12
Ржавчина на овечьих славой мечях	13
Замёрзшая кровь бессмертных героев	14
Раненой птице	15
В небесах	16
Достойным ненависти	17
По полям хрустальных цветов	18
Пессимист	19
Солнцестояние	20
Мертвое древо	21
Крылья	22
Ржавчина	23
И ничего не останется	24
Я буду твоим щитом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Замёрзшие грёзы

Александр Агамальянц

© Александр Агамальянц, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Ego – Amor – Dei (вместо предисловия)

Любовь – явление Бога. Любящий видит Бога в глазах своей возлюбленной, слышит Его в ее голосе, чувствует всеми фибрами тела и души. Счастье любви не цель. Процесс – мистерия, ритуал, священнодействие, происходящее каждую секунду с нашим ли участием либо без него. Увлеченный камланием, я растворяюсь в Боге, которого сам создал, и обретаю Бога, который создал меня. Становясь частью Бога, я сам становлюсь Богом, обретая жизнь вечную и силу творения. Я сам – свое Царство, которое будет во веки веков... Но без Тебя меня бы никогда не было.

Война, ненависть, белая раса

Проклинай меня, ненавижь меня
От этого я стану только сильнее
Руби меня, рви на части
Это лишь преумножит твои страдания

Мое сердце – на алтаре богов ночи,
Смерти и холода, бесконечной зимы
Вместо него – бездна ревущего пламени
Того огня, что тушат кровью
Моя душа – ледяная пустыня
Освещенная светом одинокой звезды
Моя память – стершиеся следы
Расы богов, ушедшей на Север

Плоть к плоти, кость к кости
Раны затянутся летописью побед
Без жалости стерто с лица земли
Все, что стоит у меня на пути

Никчемный выродок безродной шлюхи
Твоя судьба – пресмыкаться в грязи
Мы же растопчем твой жалкий мир
Я и грозный вепрь на моем шлеме

И пресытившись бесконечной войной
Потеряв следы, сбившись с пути,
Сгинуть навек в ледяной пустыне —
Идти за своей одинокой звездой

Гордый марш сквозь огонь горизонта

Сумерки богов, низвержение кумиров
Крах лицемерных лживых пророков
Закат мироздания пылает
Над опустошенными городами

Закат мироздания пылает
Золотом на островерхих шлемах
Плач детей сплетается с волчьим воем
Хруст костей – с грохотом колесниц
Закат мироздания пылает
Пожирая трухлявое древо креста,
Пожирая стада прокаженных,
Что всю жизнь провели на коленях

Смыкается с лязгом капкан клыков,
Гаснут олени глаза. Святоши
Навеки умолкнут. Ничтожные.
От чьих голосов вее падалью

Бог шестикрылых животных
Оставил свою паству на растерзание
Истукан. Безучастный. Безликий.
Бесполоый творец – искажение бытия.

Мы сами – боги! Могучие! Гордые!
Ярость в глазах, пепел в волосах
Знамена, взметнувшиеся к солнцу
Гордый марш сквозь огонь горизонта

Моя душа мертва. Свершилось!

Мне некуда было вернуться
Поэтому я шел вперед
Через кромешный ад
Гордо вскинув голову
Презрительно усмехаясь
Не останавливаясь ни на миг
Не оборачиваясь назад
Все дальше и дальше

Я упивался собственной болью
Я наслаждался всеобщим безумием
Я иступленно бился в экстазе,
Утопая в огненном море

Я был на пустых каменистых полях
Один из многих тысяч,
Что рвали друг друга на части
Что пожирали друг друга заживо

Я блуждал по чумным городам
Слушая плач умирающих детей
И дым горящих тел указывал дорогу
И я нашел ее. Дошел. Не сбился.

Забвение разверзлось предо мной.
Свершилось. Я обрел покой.
Моя душа пуста. Как небеса.
Моя душа мертва.

Слепая... кристально чистая... ненависть...

Ничего не осталось. Лишь пепелище,
Занесенное снегом. Дверь в никуда.
Я забыл свое имя. Тысячи лет назад.
Занесенные снегом следы из ниоткуда.

Моя жизнь – мерцанье далекой звезды,
Острие копья, воздетого к небу,
Отзвуки эха в холодных пещерах,
Мечты? Ночные кошмары?

Рваные раны. Кровоточащие.
Что никогда не затянутся.
Поцелуй наотмашь. Сталью?
Или я сам рвал себя на куски?

Теперь уже безразлично. Все.
Ничего не осталось. Только
Слепая. Кристально чистая. Ненависть.
Мой щит. Несокрушимый.

Они приближаются. Орды жалких рабов.
Я убью их. Всех. До единого.
Не для удовольствия. Не ради мести
Они просто стоят у меня на пути.

И пустота. До краев заполнена
Слонами. Кровью. Отчаяньем.
И в тишине. Крик победителя.
Ночь. И гора истерзанных тел.

Прощание – утихни, кровоточащее сердце

Мы идем в бесконечность и гораздо дальше
Иногда мы рядом друг с другом
Иногда подаешь руку, опираешься на плечо
Иногда проклинаешь

Сейчас же, я остаюсь в ночном лесу
Чтоб танцевать на углях с огнем в руках
А ты скользишь по пыльным улицам
Обжигая серые лица ледяным взглядом

И до скончания времен я буду терзать себя,
Думая, что предал тебя, бросил одну
А ты вздохнешь с облегченьем,
Даря грустную улыбку новому дню

Победоносная гибель

Я – голод, я – жажда,
Я – чернейшая ненависть.
Я – багряные слезы войны
На обгоревших лицах героев.
Я – злорадный оскал
Кровоточащей рваной раны
Я – вспышка боли
Расколовшая зеркало души
...зеркало души

Отрекшийся от себя,
Перешагнувший через жизнь,
Трепещущий в экстазе
Победоносной гибели

Я – древо победы,
Вращенное на костях многих тысяч
Я – крик вороньей стаи,
Кружащей над окоченевшими трупами
Я – глаза умирающих,
Полные бессильной злобы
Я – триумф полководца
Попирающего обреченность бытия
...обреченность бытия

Отрекшийся от себя,
Перешагнувший через жизнь,
Трепещущий в экстазе
Победоносной гибели

Отрекшийся от себя,
Перешагнувший через жизнь,
Трепещущий в экстазе
Победоносной гибели

Ржавчина на овейных славой мечях

Кроваво-красное ржавое крошево
Держит рука, когда-то могучая
Ныне же – кость почерневшая, мертвая
Славный герой легендарного прошлого
Златой диадемой чело увенчано
И пустота вместо взора орлиного
На вечность осужденный и на забвение
Не побежденный никем, кроме времени

Всеми забыто, потеряно, брошено
Ржавчиной съедено наше оружие
То, что когда-то славой овейно
Немеркнувшей славой, тогда мы надеялись
...тогда мы надеялись

Уста, что страшнее оскала звериного
Гордой усмешкой когда-то изломаны
Сердце истлевшее, будто доспехами,
Клятвою верности накрепко сковано
Но не мертво скорбное то изваяние —
Все еще теплится черная ненависть
Дух беспокойный, от света отрекшийся
Ждет приказаний, застыв в исступлении

Всеми забыто, потеряно, брошено
Ржавчиной съедено наше оружие
То, что когда-то славой овейно
Немеркнувшей славой, тогда мы надеялись
...тогда мы надеялись

Замерзшая кровь бессмертных героев

Цари пьют вино из золотых чаш,
Святые пьют воду из сточных канав,
Я же, подобно дикому зверю,
Пью липкую кровь из рубленых ран

Один на один с войском рабов,
Упиваясь агонией, пьянея от криков,
Разрубая кости, проламывая черепа,
Несу им Вечность – долгожданную волю

Цари отправляют толпу на бойню
Толпа забивает святых камнями,
Я же, подобно загнанному зверю,
Смеюсь во все горло, бросаясь в пламя

Один на один с войском рабов —
Испытываю себя на прочность.
Вспышки боли, затмевающие свет солнца
Напоминают, что я еще жив,
Напоминают, что я не могу умереть.
Нет оружия, способного сразить меня.
Не из железа сделан доспех мой —
Из замерзшей крови бессмертных героев

Раненой птице

И тысячу лет я лежу
В самом сердце замерзшей пустыни
Чтобы только на миг
Увидеть пламя твоих глаз
И тысячу лет я иду
По кровавой грязи полей сражений
Чтобы только на миг
Преклонить колени перед тобой

И тысячу лет я пребываю
В скорбной тьме забвения
Чтобы только на миг
Увидеть улыбку на твоих устах
И тысячу лет мое тело
Терзают когти зверей и клювы птиц
Чтобы только на миг
Твоя длань легла на мое плечо

И если это всего лишь сон
Пусть он длится вечно
Как вечен полет раненой птицы
К самой дальней из звезд

Чтобы только на миг
Ты вспомнила обо мне

Через тысячу лет!

В небесах

В небесах, в тишине, в пустоте, в вышине
Застыли в молитвах бессмысленным истинам.
По скорбным лицам, пустым глазницам
Ветер пеплом рисует – по чистым страницам

Памяти крошево меж пальцев сыплется.
Брошенной в пыль умирающей птицей,
Бьется о землю звонко и радостно —
Звоном монет подаянья просящему.

Медь в гвозди, гвоздями крылья к земле
Намертво, накрепко, перепроверено
Чтобы стоять на коленях уверенно
Перед алтарем бессмысленных истин

Позови, позови за собой. В небеса. В пустоту.
В беспощадную ту красоту бесконечно далекую
Чтоб захотелось освободиться. Вырвать, что держит.
Крылья...

ДОСТОЙНЫМ НЕНАВИСТИ

Смотри, как то море перед тобой
Изогнется, ярость тысячи тел неся,
И взорвется тебе в лицо
Черной пучиной, всепоглощающей.
Закрой глаза и окунись с головой!
Убивай! Убивай! Убивай!
Пусть воронье не сможет взлететь,
Набив мертвечиной утробы.

Докажи, что достоин их ненависти,
Что достоин страшнейших проклятий
Их обезумевших вдов
И ослепших от слез матерей
Что достоин черной отравы
В золотом вине победителя.
Пусть небо огненным ливнем
На головы обреченных низвергнется!

Нас не свалить. Не растоптать.
Знамена, изорванные и обожженные,
Лица, изрезанные остриями слез,
И крик в ветре: Да! Мы готовы!

Слушать рокот свирепого шторма,
Плыть против течения, резать волны!
Кормить воронье до отвала!
Убивать! Убивать! Убивать!

ВНОВЬ!!!

И вернуться с победой...
В чертоги забвения...
Домой...

По полям хрустальных цветов

Любящий, преданный, искренний
Слишком, слишком, слишком
Для их бога, для их рода, для их света
Оставил себе только тьму и ненависть

Умирать, оживать, проклинать и плясать
В метели. Птицей в небе
Резать свастики против хода звезд
Чумные колеса. Всесокрушающие.

Засыпать, забывать, вспоминать,
Чтобы вновь потерять
И вечно бродить скорбной тенью
По полям хрустальных цветов

Пессимист

Счастье, радость и надежду – им,
Тебе – встречать удары
Зло. Наотмашь. Края рваны.
В узел кожу, в шрамы раны

Шрамы. Память. Гордость. Глупость.
Окровавленные губы воздух рвут
Так привычно. Так обычно. Так красиво.
Вздых последний – ее имя.

Тьму и холод рек подземных
Не постигнешь, не старайся
Умирать не научили,
Не умеешь – не берись
По камням ползи колючим
Утопив в крови печали
В узел душу, в узел волю,
В узел кожу, в шрамы раны

По камням ползи колючим
За мечтой недостижимой. Огнекрылой.
Отдохни от войн. Героем ведь не станешь —
Умирать не научили.

Солнцестояние

Солнце замерло над заснеженной пустошью
Судороги пламени, не дающего тепла
Мерцание света, не дающего жизни
Хищная усмешка на устах светила

Последний удар сердца, разорвавший грудь
Замершая кровь, не достигшая земли
Опустошенный взгляд, устремленный вовнутрь
Отчаянный хрип на пределе ненависти

Я – бог, я – зверь, я – боль.
Вне жизни, смерти и времени
Я существую. Здесь и сейчас.
Моя вечность – искра в снегу

Я – холодное море, я – черный лес, я – стальное небо
Я – хищное солнце, я – ревущее пламя, я – слепящий свет
Я – вечность, я – бескрайняя высь, я – забвение,
Всполох огня посреди заснеженной пустоши

Мертвое дерево

На рабских костях твои корни покоятся
Кровь прокаженных тебя вскормила
Ты жадно впитало их ненависть,
Что сочилась сквозь иссушенную почву

Безмолвное, безжизненное, бессмертное
Ты стоишь, упиваясь забвением,
Мемориал искаженный мечтаньям о небе,
Стремление ввысь обреченных

Твои ветви стали моим пристанищем
Ложем безумца, мечтавшего целовать звезды,
Отрекшегося от всего мира
Ведь летать может лишь тот, кого ничто не держит

Крылья

Так пусто. Вокруг. Пусто внутри.
Лишь изредка ты заполняешь
Ту пустоту. На мгновенье.
Опьяняющей болью. Взмахом крыльев.

Твои крылья огонь. Тризна по миру,
С остервенением жрущему самого себя.
Ты паришь над облаками. Недостижима
И лучезарна. Как звезды. Как тысяча солнц.

Я бегу за тобой, спотыкаясь и падая,
По выжженной, разоренной земле
Прорубаясь сквозь толпу серых лиц
Не останавливаясь, чтоб зализать раны.

И когда, обезумев от кровавой вьюги,
Я забуду, зачем иду. Станет пусто.
Ты появишься вновь. На мгновение.
И заполнишь ту пустоту до краев.

Опьяняющей болью,
Взмахом крыльев.

Ржавчина

Ржавые сердца глиняных истуканов
Застывшие, не бьющиеся, неживые.
Скованы страхом рассыпаться в прах
От первого же удара. От первого же вздоха.
Их хозяева – големы, куклы,
Неудавшиеся пародии на человека
Стоят без движения, лелея труху в груди
Уставившись пустыми глазами в небо

Ржавые жерла древних орудий
Смотрят в небо с мольбой.
С мечтою о новой войне,
С надеждой на вечность.
Ветер разносит их стон, скрежет прожженной брони
Неумерших, забытых, проклятых,
Вычеркнутых из памяти...
Неуместных в мире глиняных кукол...

Однажды, наш зов будет услышан
И стон превратится в тяжелую поступь последней атаки
Чтоб весной взметнуться ввысь
Цветущим древом победоносной гибели

И ничего не останется

Все умрет и ничего не останется
Причитаний, стенаний, переживаний
Скорбных плачей эхо пылью ляжет
В камни дорожные, черствые

Все умрет и ничего не останется
Взглядов, касаний, шепота
Робкий вздох оборвется скрежетом
Ржавых петель пустых дверей

Все умрет и ничего не останется
Смеха, радости, громких песен
Только метель, смакуя, проглотит
Вереницу немых детей

Все умрет и ничего не останется

Ничего не останется...

Я буду твоим щитом

Твоя грусть вгрызалась в сердце
Клещами, калеными докрасна,
Жадно вгрызалась, с чавканьем
С утробным урчанием пережевывала
Я вырвал этот никчемный кусок мяса

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.